

общение вызывает живую реакцию дизайнеров. Но понять интригующий меня феномен так и не мог. Не помогли и беседы с дизайнерами. Они отвечали: «Вы не представляете, что это за методолог и личность. Обсуждая с ним наши профессиональные проблемы, мы зачастую обнаруживаем и понимаем то, что ускользало от нашего внимания, а иногда и вообще от него впервые узнаем».

Часто задумывался, почему же мои жесткие и правильные научные требования к работам дизайнеров вызывали у них недопонимание и даже порой раздражение. Эту загадку я разгадал только в самое последнее время. В автобиографической книге Д.М. Гвишиани «Мосты в будущее» мое внимание привлекла следующая мысль автора. Всякая практическая деятельность имеет интегративный характер и опирается не только на строгие научно-технические знания, но и на здравый смысл, субъективные представления, догадки, экспертные суждения и многое другое, что играет не менее важную роль, чем «добропорядочные» знания. Разница лишь в том, что роль последних факторов не столь очевидна, с трудом поддается рациональному осмыслению, поскольку ее не всегда осознает и сам субъект деятельности. Складывается впечатление, что Д.М. Гвишиани прежде всего имел в виду практическую деятельность дизайнера, так как в ней в полной мере проявляется все, о чем он пишет. Удовлетворить духовные запросы таких специалистов в 70-е годы помог Э.Г. Юдин,

а не «добропорядочные» знания мои и других ученых института. Невольно вспомнил Б. Рассела: «Всякая точная наука основывается на приближенности».

Всем нам сегодня не хватает Эрика Григорьевича. Он жестоко пострадал, зная, на что идет, так как известно с древних времен: «Человеку, который все называет своими именами, лучше на улицу не показываться – его избьют как врага общества». Он открыто и честно сказал то, о чем думали многие. Вся жизнь Э.Г. Юдина показывает, что он был выдающимся гражданином нашей страны. После всего происшедшего он не озлобился, а остался добронравным, честным, открытым и доброжелательным к людям. И после освобождения из лагеря продолжал заниматься самой опасной профессией в СССР – философией. Не Э.Г. Юдин первый и не он последний из философов, кого Советская власть обвиняла во враждебной деятельности. По моему мнению, надо менять отношение к философам и философии. Сохраняя память об Э.Г. Юдине, проводя конференцию, посвященную ему, издавая воспоминания о нем, Ю.В. Куперт, И.В. Мелик-Гайказян и Б.Г. Юдин проводят огромную работу в названном направлении. Не хватает завершающего аккорда. Есть все основания, как мне представляется, чтобы Э.Г. Юдин стал почетным гражданином города Томска. Это будет также данью уважения тем, кто поддерживал Э.Г. Юдина.

Поступила в редакцию 28.01.2008

УДК 167+001.35

Б.Г. Юдин

ИЗ ИСТОРИИ СИСТЕМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: МЕЖДУ МЕТОДОЛОГИЕЙ И ИДЕОЛОГИЕЙ

Институт философии РАН, г. Москва

Системное движение в нашей стране зарождалось в 60-е годы прошлого столетия, и происходило это в весьма непростых условиях. Первые более или менее последовательные шаги в этом направлении были сделаны, насколько мне известно, в рамках семинара, которым руководил Георгий Петрович Щедровицкий и который впоследствии получил название «Московский методологический кружок» (ММК).

По словам А.А. Пископпеля, «в 1962 г. Г.П. организует (совместно с В.Н. Садовским и Э.Г. Юдиным) междисциплинарный семинар по структурно-системным методам анализа в науке и технике при Совете по кибернетике АН СССР. С 1964 г. этот семинар становится официальной «крышей» и для всего ММК» [1, с. 28]. История ММК в це-

лом изучена и описана достаточно подробно, так что касаться ее я здесь не буду.

Меня будет интересовать чуть более поздний период развития системных исследований, связанный с возникновением неформального на первых порах творческого коллектива, «отпочковавшегося» от ММК. Как отмечают Э.М. Мирский и В.Н. Садовский, «в середине 60-х годов... постепенно образовалась небольшая неформальная группа по анализу философских, методологических и логических проблем системных исследований», в которую вошли И.В. Блауберг, В.Н. Садовский и Э.Г. Юдин [2, с. 23]. Замечу, тогда в стране был чрезвычайно популярен хоккей, так что скоро их стали называть «тройкой» и ради краткости обозначать как БСЮ.

Одним из первых шагов на этом пути стала подготовка научной конференции по системной проблематике. Конференция должна была пройти под эгидой Научного совета по философским проблемам естествознания АН СССР; в числе ее организаторов были В.Н. Садовский и Э.Г. Юдин. Был напечатан сборник тезисов [3, с. 24]. Однако уже на этой стадии методологические искания натолкнулись на идеологические барьеры. «Сборник тезисов, – писали в 1997 г. Садовский и Мирский, – вызвал критическое отношение Отдела науки ЦК КПСС (как это произошло, мы не знаем до сих пор, – скорее всего, была соответствующая подсказка). В результате конференция так и не состоялась» [2, с. 24]. По нормам того времени это означало, что не было разрешено распространение и самой книги; тем не менее весь ее тираж быстро разошелся, можно сказать, полуподпольным образом.

Вообще следует сказать о том, что те времена характеризовались очередным обострением идеологической борьбы, которое в определенной мере было обусловлено откатом от хрущевской оттепели. Поэтому вполне можно себе представить, что у кого-то из бдительных лиц, принимающих решения, возникли страхи по поводу возможности попасть под каток идеологической проработки.

Замечу, что исследования в области философии и методологии науки в существенно меньшей степени, чем многие другие разделы философии, подвергались идеологическому давлению. Однако и здесь все было далеко не безоблачно. Необходимо иметь в виду, что очень и очень многие «обществоведы» занимались в основном тем, что «исследовали» устные и письменные выступления своих коллег в поисках отступлений от канонов марксизма-ленинизма. Сегодня это, быть может, трудно представить, но тогда достаточно жестко действовала такая норма: от *каждого* гуманитария в *каждой* его работе требовалось не столько внести в науку что-то новое, оригинальное – гораздо более важным критерием было удостоверение того, что автор не выходит за «флажки» идеологически дозволенного. На жаргоне тех времен все это изображалось как верное соотношение научности и партийности.

В этой связи вспоминается такая история. Я сам по образованию не философ, закончил МВТУ им. Н.Э. Баумана, в философию перешел под влиянием старшего брата Э.Г. Юдина. Отсутствие базового философского образования вело к тому, что я не впитал в себя понимание того, где и как располагаются эти флажки (а надо заметить, что размещение их не оставалось постоянным – огораживаемая флажками территория то расширялась, то сжималась, и за расширение этой территории, этой «зоны свободы» приходилось очень даже серьезно бороться). Так вот, в конце 1972 – начале 1973 г., ког-

да я пытался перейти из подвергнувшегося идеологическому погрому Института конкретных социальных исследований АН СССР в редакцию «Вопросов философии», в ходе переговоров на вопрос о том, какой тематикой я хотел бы заниматься в журнале, я по простоте душевной ответил: «Философией науки». Но, как оказалось, тогда сам этот термин был идеологически неверным, поскольку считалось, что философией науки занимаются буржуазные философы, у нас же эта тематика шла под шапкой «философские вопросы естествознания».

С тех пор я, понятно, опасался употреблять «неправильный» термин, хотя и вел в «Вопросах философии» именно эту тематику. Но, по иронии судьбы, позже мне довелось участвовать в его «реабилитации». Как-то ко мне обратился И.К. Пантин, под редакцией которого (вместе с И.В. Блаубергом) тогда издавался Краткий словарь по философии. Словарь выходил в главном партийном издательстве – Политиздате, а значит, был весьма авторитетным, в том числе и с идеологической точки зрения. Пантин предложил мне написать для очередного, третьего, издания словаря статью «Философия науки». «Как так? – удивился я. – Ведь этот термин порочный!» Игорь Константинович, однако, был настроен по отношению к философии науки вполне доброжелательно и сказал мне что-то вроде: «Давай все-таки попробуем». Так в 1979 г. у нас в стране впервые была опубликована неругательная статья о философии науки.

Этот контекст необходимо иметь в виду для того, чтобы понять, как происходило в нашей стране становление и развитие системных исследований. В конце 60-х годов центром системных исследований стал Институт истории естествознания и техники АН СССР, где была создана проблемная группа по системному исследованию науки. В ее состав вошли И.В. Блауберг, В.Н. Садовский и Э.Г. Юдин; позднее группа была реорганизована в сектор системного исследования науки, а к основателям добавились С.И. Дорошенко, А.И. Яблонский, Э.М. Мирский. О том, как, на каких уровнях и кем именно принималось решение о создании этой группы, можно прочесть в уже цитированной мною статье Э.М. Мирского и В.Н. Садовского [2].

Одним из первых важных начинаний группы стало издание ежегодника «Системные исследования», первый выпуск которого датирован 1969 г. Очень скоро ежегодник обрел достаточно широкий круг читателей (тираж его доходил до 6 тыс. и более экземпляров) и приобрел весомый авторитет. Еще одной формой работы группы стало проведение регулярных заседаний семинара, которым руководил Э.Г. Юдин. Как и ежегодник, семинар был в подлинном смысле слова междисциплинарным: наряду с философами в его работе участвовали и

биологи, и лингвисты, и математики, и физики, и специалисты из самых разных областей гуманитарного знания.

Но и здесь в развитие событий вмешалась идеология. Сами по себе занятия системными исследованиями ее ревнителям представлялись чем-то предосудительным. А уж тот факт, что одним из лидеров системных исследований был Эрик Григорьевич Юдин, у которого за плечами исключение из КПСС (по тем же, кстати, идеологическим причинам), увольнение с работы из Томского пединститута, наконец, судимость по пресловутой статье 58-10 – за контрреволюционную агитацию и пропаганду, делал системные исследования особенно удобной мишенью для бойцов идеологического фронта.

Поэтому неудивительно, что время от времени появлялись публикации, авторы которых видели в системных исследованиях что-то направленное против марксизма-ленинизма. Одним из событий на этом фронте стало письмо академика Тодора Павлова в редакцию журнала «Коммунист» [4]. Наш болгарский друг Тодор Павлов считался в те времена едва ли не номером первым в международной иерархии марксистско-ленинских философов. Его перу принадлежали четыре огромных тома «Теории отражения», которые были переведены на русский язык и изданы у нас огромным тиражом, заполнив полки библиотек и книжных магазинов. А уж то, что письмо было опубликовано в ведущем партийном журнале – теоретическом органе ЦК КПСС, в котором просто так ничего не печатали, свидетельствовало, что интерес к системным исследованиям возник на очень высоком уровне. Впоследствии И.В. Блауберг вспоминал: «Насколько можно восстановить события, материал был получен непосредственно в секретариате М.А. Сулова, оттуда был быстро направлен в «Коммунист», там готовился тоже почти мгновенно...» [5, с. 155–156].

Было трудно предположить, что маститый болгарский философ, которому тогда было уже под семьдесят, столь внимательно следил за новинками советской философской литературы – ведь как было написано в его письме, познания о советских исследованиях в области системно-структурной методологии он почерпнул из такого, скажем прямо, источника далеко не первого ряда, как «Вестник МГУ. Серия философия». В одном из выпусков этого журнала была опубликована – нет, не статья о том, что такое системные исследования, а всего лишь информация о недавно прошедшей Всесоюзной конференции, посвященной этим проблемам. Очевидно, черновики этого письма готовились вовсе не в Софии, а в Москве.

Я не собираюсь здесь воспроизводить все критические аргументы Т. Павлова, отмечу лишь один

момент. Павлов упрекал философов-системщиков в том, что с их точки зрения «марксистско-ленинское научное мировоззрение можно и нужно заменить каким-то «новым» мировоззрением на основе «системно-структурного подхода» к традиционным проблемам» (воспроизводится по [5]). Если попытаться перевести эту инвективу на язык, понятный современному читателю, то получим примерно следующее. Занимаясь методологическими проблемами системно-структурных исследований, авторы попадают на территорию философии, а на этой территории существует и господствует единственно верное учение – марксизм-ленинизм. Следовательно, те, кто занимаются системно-структурным подходом, имеют своей целью не что иное, как подмену этого учения.

Безусловно, аргумент этот, тем более подкрепленный таким авторитетом, обладал по тем временам внушительной убойной силой. И здесь наши авторы – тройка БСЮ – смогли выстроить весьма эффективную, как впоследствии выяснилось, линию защиты. Они стали развивать идею о многоуровневом строении методологического знания. До этого считалось, что методология занимается либо самыми общими проблемами познания – и тогда это философская, сиречь марксистско-ленинская, методология, либо проблемами той или иной конкретной области знания – и тогда это, соответственно, конкретно-научная методология, заниматься которой допускается и без неотрывного контроля идеологических надсмотрщиков. Но смысл методологии системных исследований, системного подхода как раз и виделся в том, чтобы изучать в его рамках познавательные проблемы, которые оказываются более или менее сходными, общими для самых разных областей знания.

Так вот, БСЮ выдвинули такую идею: системный подход, как и общая теория систем, – это методологические направления современной науки, носящие общенаучный характер. Они, однако, не претендуют на то, чтобы решать философские (в смысле Т. Павлова и иже с ним) проблемы, а представляют собой нефилософскую, но в то же время общенаучную методологию. Итак, есть самый высокий, самый главный уровень – уровень *философской методологии*, и вот там-то материалистическая диалектика в полной мере играет свою выдающуюся роль, так что там ничего другого искать-то и не надо. А есть следующий уровень, который они назвали уровнем общенаучной, но *нефилософской* методологии. Системный подход, стало быть, на философские задачи не замахивается, он занимается изучением общенаучных принципов, справедливых для систем самой разной природы. И есть еще третий уровень – это *конкретно-научная методология*, которая в каждой области знаний своя.

С этим уровнем все более-менее ясно, в те годы не требовалось какой-то особой идеологической санкции для того, чтобы изучать его методологические проблемы: эксперты в области идеологической чистоты были просто некомпетентны для того, чтобы сколько-нибудь осмысленно отслеживать то, что делается в каждой из специальных областей знания с их запутанной терминологией.

Удобство такой трехуровневой схемы состояло еще и в том, что она позволяла вывести из-под строгого идеологического контроля и такие столь популярные тогда междисциплинарные исследовательские направления, как, скажем, структурно-функциональный анализ, структурализм, теория информации и т.п. В этом же ключе стала пониматься и кибернетика, которая к тому времени уже получила нечто вроде идеологической санкции. Можно вспомнить в этой связи, что во имя получения такой санкции академик А.И. Берг выступил в 1961 г. в качестве ответственного редактора книги «Кибернетику – на службу коммунизму» [6]¹. Такой культ совершила в нашей стране кибернетика, начинавшая свой путь с такой характеристикой: «Реакционная лженаука, возникшая в США после второй мировой войны и получившая широкое распространение и в других капиталистических странах; форма современного механицизма» [7, с. 236–237]². И хотя к концу 60-х гг. кибернетика, поступив на службу коммунизму, стала идеологически вполне уважаемой, ее отнесение к этому уровню общенаучных концепций представлялось вполне естественным.

Мы видим, что одной из важных причин возникновения самой идеи выделить такой уровень познания, как нефилософские общенаучные концепции, которые выступают в методологической роли по отношению к самым разным конкретным научным дисциплинам, стало чисто житейское стремление каким-то образом защититься от идеологических обвинений. Но независимо от таких своеобразных обстоятельств своего зарождения эта идея оказалась весьма глубокой и плодотворной. Она быстро получила широкое признание и, как выяснилось, позволила зафиксировать и сделать объектом изучения какие-то существенные особенности науки последней трети XX в.

Здесь мне хотелось бы высказать одно замечание. В уже цитированной посмертно опубликованной статье И.В. Блауберг писал: «Оглядываясь сейчас назад, нельзя не признать, что возникшая опасность [Блауберг имел в виду как упомянутую, так и одну из последующих идеологических атак. – Б.Ю.] заставила всех нас – и здесь невозможно пе-

реоценить быстроту реагирования Эрика Григорьевича Юдина, его умение прочесть ситуацию на несколько шагов вперед, способность быстро и безошибочно найти точки допустимых компромиссов, – сформулировать основные принципы отечественной концепции системных исследований, уровни методологического анализа, отношения системного подхода и диалектики...» [5, с. 169]. При публикации этой статьи в книге И.В. Блауберга «Проблема целостности и системный подход» я позволил себе сделать к этому высказыванию такое примечание: «С моей точки зрения, идея уровней методологического анализа, и прежде всего различения философского и общенаучного уровней методологии, играла сугубо защитную роль – методологи, провозглашавшие, что они занимаются не философией, а общенаучной методологией, обретали тем самым какое-то укрытие от философско-идеологического надзора» [8, с. 426].

В ответ на эту ремарку В.Н. Садовский заметил: «Я не могу полностью согласиться с этим утверждением Б.Г. Юдина. Конечно, системные исследования для того, чтобы выжить в условиях советской идеологической системы, нуждались в определенных защитных мерах, что убедительно показано в настоящей статье И.В. Блауберга... И такие меры безусловно предпринимались. Вместе с тем упомянутая И.В. Блаубергом разработка проблем уровней методологии, взаимоотношения философского принципа системности, системного подхода и системных исследований, исследование статуса общей теории систем и т.п. играли не только и не столько защитную роль, сколько были реальными научными проблемами, и полученные в этой области результаты, как мне представляется, не утратили своего значения в настоящее время» [8, с. 426]. Попробую теперь несколько уточнить свою позицию. На мой взгляд, *появление* идеи уровней методологического анализа действительно было связано с необходимостью защититься от идеологической атаки – вовсе не случайно И.В. Блауберг в этом контексте говорил о «точках допустимых компромиссов». Однако в моей ремарке эта мысль была выражена не вполне корректно, в частности, использованное мною слово «сугубо» порождает впечатление, что идея уровней не играла никакой другой роли помимо защитной. Можно было бы сказать, что в этой ремарке я имел в виду только контекст открытия, но не контекст оправдания, т.е. последующего функционирования этой идеи в научном сообществе. В целом же замечание В.Н. Садовского представляется совершенно справедливым.

¹ Это издание стало продолжающимся – в последующие годы вышло еще несколько выпусков.

² Необходимо отметить, что этот словарь – совсем другое издание, чем упомянутый мной выше Краткий словарь по философии.

В те времена участники событий как-то не задумывались о том, что одним из следствий идеологических разбирательств вокруг системных исследований является усиление общественного интереса к ним. Глядя с сегодняшних позиций, можно было бы сказать, что сами же гонители обеспечивали этим исследованиям довольно-таки внушительный пиар. И дело здесь, на мой взгляд, было не только в том, что системная методология позволяла решать какие-то научные проблемы, а прежде всего в том, что на фоне окостеневшего диамата она воспринималась как глоток свежего воздуха. В значительной мере именно это привлекало внимание к системной проблематике и тех, кто стоял у истоков ее разработки, и всех становящихся все более многочисленными последователей. И в этом смысле ревнителям идеологической чистоты нельзя отказать в проницательности. Своим тонким чутьем они улавливали, что в конечном счете за системными рассуждениями кроется идеологическая диверсия, противостоять которой становилось все труднее.

В результате через некоторое время системные представления, системные идеи приобретают респектабельность и получают права гражданства уже и в философии. Конкретным выражением этого явилось то, что наряду с системным подходом, общей теорией систем, системным анализом стал обсуждаться принцип системности. Этот принцип с самого начала осознается и представляется именно как философский – можно сказать, что теперь системные идеи переходят в контрнаступление. В 1976 г. выходит в свет первое издание книги В.П. Кузьмина, работавшего в Отделе науки ЦК КПСС, посвященной разработке принципа системности не кем иным, как К. Марксом [9]. Научным редактором этой книги был Э.Г. Юдин, который, надо сказать, потратил очень много сил и времени на доработку, а зачастую даже и переработку, в том числе и весьма кардинальную, авторского текста.

Стоит отметить, что в книге В.П. Кузьмина о собственно принципе системности говорится довольно мало – в основном речь идет о системном подходе, о том, что первым, кто его и разрабатывал, и применял, был (естественно, о том не догадываясь), не кто иной, как Маркс. Истолкование принципа системности, акцентирующее его философскую природу, было предложено несколько позже все той же тройкой БСЮ; правда, место моего ушедшего из жизни брата в этой тройке пришлось занять мне [10, с. 39–52]. В этой статье те авторы, которые ранее сформулировали и отстаивали позицию, согласно которой системный подход, будучи общенаучным методологическим направлением, вовсе не претендует на философский статус, в некотором смысле «отреклись» от

нее и «сознались», что да, они занимались философией.

Примерно в это же время появляются публикации нескольких так или иначе причастных к аппарату ЦК КПСС авторов, которые тоже выступают с системных позиций. А это означает, что системные идеи не просто перестают быть отверженными – они, напротив, становятся едва ли не знаменем официальной идеологии.

Быстро растущий интерес к ним со стороны тех, кто в силу своего статуса никоим образом не мог бы взяться за что-либо идеологически сомнительное, можно, по крайней мере отчасти, объяснить тем дрейфом, который происходил в самой идеологии. В ней, как и во всем обществе в целом, все более отчетливо обнаруживались признаки застоя, так что идущие из довольно далекого прошлого идейные установки радикального толка, ориентированные на развитие, на глубокие изменения, на всякого рода динамику, отходили на задний план, уступая место совсем другим, консервативным установкам, акцентирующим порядок, устойчивость, стабильность. И теперь уже именно в этом контексте начинает осознаваться богатый потенциал системных идей и представлений, именно в этом качестве они становятся все более созвучными духу времени. В эти же годы, замечу, начинается и мой отход от системной проблематики.

Возможно, имеет смысл вспомнить о еще одном эпизоде, связанном с моим участием в системном движении. Где-то в начале 70-х гг. я стал разрабатывать понятие системной ориентации. В это время использовался уже целый арсенал понятий, так или иначе характеризующих системную методологию, что порождало немало путаницы. Тем не менее я рискнул предложить еще одно понятие. Мне представлялось, что все используемые понятия, включая и такое относительно мягкое, как системный подход, задают чересчур жесткое понимание системной методологии и ее возможностей, а это порождает завышенные ожидания в отношении их результативности и эффективности. Системная ориентация понималась мною как «некоторая специфическая совокупность исходных предпосылок, установок, в определенной степени влияющих на способы восприятия, видения изучаемой реальности, на способы постановки и рассмотрения проблем в самых разных областях современной науки и практической деятельности» [11, с. 26]. Среди этих установок были выделены такие, как целостность, сложность, организованность. Таким образом, «требования и представления, которые в своей совокупности образуют системную ориентацию, в содержательно-логическом плане являются достаточно простыми и общими. В противном случае они едва ли смогли бы приобрести столь широкое

распространение в самых разных областях познания и стать настолько общепринятыми» [12, с. 20].

Вместе с тем оборотной стороной этой простоты и общедоступности оказывается невозможность создать на основе таких представлений сколько-нибудь глубокие и содержательные концептуальные построения, относящиеся к объектам самой разной природы. Конструктивность системных идей чаще обнаруживается не в том, что они позволяют строить всеобъемлющие теории; скорее, их эффективность проявляется тогда, когда они заставляют обратить внимание на то, что существующие представления о том или ином исследуемом объекте являются неполными, односторонними. В таких случаях «под системностью фактически понимается полнота изображения изучаемой реальности в предмете исследования. Существенно, однако, что сама эта полнота является относительной, а не абсолютной – речь идет о более полном изображении по сравнению с существующим, о включении в предмет тех сторон и связей объекта, от которых абстрагировалась предшествующая концепция, а отнюдь не об исчерпывающем отображении всех взаимосвязей и взаимодействий объекта» [12, с. 9].

Системная ориентация, таким образом, заставляет нас помнить о том, что наши знания об интересующем нас объекте всегда неполны, и это бывает особенно существенно, когда речь идет не столько о собственно познавательной деятельности, сколько о попытках решения тех или иных практических проблем. Говоря о необходимости

видеть в изучаемом нами объекте систему, мы часто имеем в виду то, что те представления о нем, из которых мы исходим, упускают из виду что-то значимое и существенное. Дело, следовательно, не в том, что, изображая объект в качестве системы, мы претендуем на всеохватное знание о нем, а в том, что мы получаем возможность в полной мере осознать недостаточность тех знаний, которыми мы располагаем. При всей кажущейся тривиальности этих соображений они, как мне не раз приходилось убеждаться, бывают весьма продуктивными.

Сказанное здесь о системной методологии я хотел бы теперь распространить на всю методологию в целом. Можно говорить о двух разных пониманиях методологии. В первом случае мы понимаем под методологией все то, что мы освоили, чем мы можем свободно оперировать, с чем мы чувствуем себя как у себя дома. Во втором же мы относимся к ней, например к тому же системному подходу, как к некоему чудодейственному суперсредству вроде, скажем, нового стирального порошка, который, как утверждает реклама, будет стирать на 74 % чище, чем предыдущий. И точно так же мы берем системный подход и рассчитываем на то, что, приложив его, сможем пробудить у себя какие-то немислимые возможности, которые позволят нам решить любые задачи. Увы, такого рода упования обычно бывают обманчивы и бесперспективны.

Поступила в редакцию 30.01.2008

Литература

1. Пископфель А.А. Г.П. Щедровицкий – подвижник и мыслитель // Познающее мышление и социальное действие (наследие Г.П. Щедровицкого в контексте отечественной и мировой философской мысли). М., 2004.
2. Мирский Э.М., Садовский В.Н. Игорь Викторович Блауберг. Жизнь и научное творчество // Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. М., 1997.
3. Проблемы исследования систем и структур: Материалы к конференции. М., 1965.
4. Павлов Т. Марксистско-ленинская философия и системно-структурный анализ // Коммунист. 1969. Октябрь. № 15.
5. Блауберг И.В. Из истории системных исследований в СССР: попытка ситуационного анализа // Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX век: В 2 кн. / Под ред. В.А. Лекторского. Кн. II. 60-е – 80-е гг. М., 1998.
6. Кибернетику – на службу коммунизму: Сб. статей / Под ред. А.И. Берга. М.; Л., 1961.
7. Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя, П. Юдина, 4-е изд., доп. и испр. М., 1954.
8. Блауберг И.В. Проблема целостности и системный подход. М., 1997.
9. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. М., 1976.
10. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Б.Г. Философский принцип системности и системный подход // Вопросы философии. 1978. № 8.
11. Юдин Б.Г. Становление и характер системной ориентации // Системные исследования. Ежегодник 1971. М., 1972.
12. Юдин Б.Г. Некоторые особенности развития системных исследований // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник 1980. М., 1981.